

УДК 398.5(=512.141)  
ББК 82.3(2Рос=Баш)



Дата поступления статьи: 31.10.2024  
Дата принятия статьи: 18.11.2024

## ОБРАЗ СОРОКИ В МИФОРИТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ БАШКИР\*

**Азалия Фаттаховна Илимбетова**

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия  
E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru

**Аннотация.** Статья посвящена образу сороки – одному из ключевых орнитоморфных символов в мифоритуальной традиции башкир. В башкирском фольклоре, поверьях и приметах сорока (*һайысқан*) выступает как вещая птица, предсказательница человеческих судеб и событий. В устном народном творчестве башкир сорока относится к числу птиц, обладающих человеческими качествами – мышлением и речью. В эпических произведениях, суевериях и приметах проглядываются явные следы древних тотемических суждений о тождестве человека и сороки, о способности их трансформироваться друг в друга. В родоплеменной номенклатуре сохранились рудименты воззрений о происхождении отдельных групп людей от сороки. Древние башкиры воспринимали сороку как материальное воплощение душ усопших людей, предков. Первоначальные истоки подобных взглядов восходят к тотемическим представлениям о способности людей перевоплощаться в сороку, которая является их мифическим орнитоморфным предком (онгоном). В фольклоре, обычаях и поверьях башкир сорока в ипостаси тотемического предка фигурирует как путеводительница, поборница героев, заступница людей, охранительница дома и домашних птиц от происков враждебных сил и нападений хищников. Сорока была священной, табуированной птицей, о чем свидетельствуют башкирские обычаи, запрещающие разорять гнезда, употреблять в пищу ее яйца и мясо. Подобные взгляды о сороке были характерны самому широкому кругу народов и имеют глубокие исторические корни.

**Ключевые слова:** сорока, башкиры, тотемная птица, культ, традиционное мировоззрение, башкирская мифология, обряды, суеверия

**Цитирование:** *Илимбетова А.Ф.* Образ сороки в мифоритуальной традиции башкир // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 4. С. 359–367. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.4.040>

UDC 398.5(=512.141)  
LBC 82.3(2Рос=Баш)

Submitted: 31.10.2024  
Accepted: 18.11.2024

## THE IMAGE OF THE MAGPIE IN THE MYTHOLOGICAL AND RITUAL TRADITION OF THE BASHKIRS

**Azaliya F. Ilimbetova**

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia  
E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru

**Abstract.** The article is devoted to the image of the magpie. This bird is one of the key orthomorphic symbols in the mythological and ritual tradition of the Bashkirs. The magpie is depicted as a prophetic bird and a predictor of human destinies and events in Bashkir folklore, beliefs and omens. In the oral folklore of the Bashkirs the magpie is considered to be one of the birds that possess human qualities such as thinking and speech. In the epic works, superstitions and signs of the Bashkirs there are clear traces of ancient totemic belief about the identity of man and magpie about their ability to transform into each other. In the tribal nomenclature of the Bashkirs the rudiments of views about the origin of individual groups of people from the magpie have been preserved. The ancient Bashkirs perceived the magpie as a material embodiment of the souls of deceased people and ancestors. Bashkirs also believed that the magpie was their mythical ornithomorphic ancestor (*ongon*) and in the ability of people to transform into a magpie. The original sources of such views go back to

\* Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00570-24-01 на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг.

the totemic ideas of the distant ancestors of the Bashkirs. In the folklore, the customs and beliefs of the Bashkirs the magpie appears in the guise of a totemic ancestor as a guide, an adherer of heroes, an intercessor of people, a guardian of the home and domestic birds from the machinations of hostile forces and attacks of predators. The magpie was a sacred taboo bird. Some Bashkir customs can prove it. It is forbidden to destroy a magpie's nest and eat its eggs and meat. Similar views about the magpie were characteristic of a wide range of peoples and have deep historical roots.

**Keywords:** Magpie, Bashkir, totem bird, cult, traditional worldview, Bashkir mythology, rituals, superstitions

**Citation:** Pimbetova, A.F. 2024, "The image of the magpie in the mythological and ritual tradition of the Bashkirs", *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 4, pp. 359–367. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.4.040>

### Введение

Культ птиц является важной частью древнего политеистического мировоззрения многих народов мира. Образы птиц занимают немаловажное место и в мифологии, религиозно-мистических воззрениях, семейно-бытовых традициях башкир. Под влиянием современных культурных явлений эти связанные с почитанием птиц суждения, верования, обряды и обычаи трансформируются и исчезают, поэтому их изучение представляет особый интерес для воссоздания культурных архетипов башкирского народа.

Исследование мотивов, связанных с культом птиц, в частности сороки, в мифоритуальной традиции и семейно-бытовой обрядности башкир нашло отражение в работах С.И. Руденко [Руденко, 2006], Р.Г. Кузеева [Кузеев, 1957; Башкирские шежере, 1960], Н.В. Бикбулатова и Ф.Ф. Фатыховой [Бикбулатов, Фатыхова, 1991], М.Н. Сулеймановой [Сулейманова, 2005], А.М. Сулейманова [Сөләймәнов, 2007], Ф.Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова, 2010], Р.А. Султангареевой [Султангареева, 2006], А.Ф. Илимбетовой, Э.В. Миграновой [Илимбетова, Мигранова, 2021] и других исследователей. Однако работы, касающиеся этой темы, носят отрывочный, фрагментарный характер.

Целью данной статьи является исследование культа сороки в религиозно-мифологических представлениях башкир и его проявлений в быту и хозяйственной жизни в преломлении через призму фольклора и этнографии.

### Основная часть

В башкирском фольклоре, поверьях и приметах сорока выступает как вещая птица, предсказательница человеческих судеб и событий. Так, если сорока стрекочет на перекладине въездных ворот или кружится близ сельской усадьбы и беспрестанно трещит, значит, она принесла какую-либо весть [ПМА, 2018]. В суевериях башкир сорока несет положительную нагрузку, ассоциируется с такими нравственными категориями, как добро, благодеяние [Хисамитдинова, 2010. С. 338]. Если сорока кричит и кружится поблизости, то башкиры воспринимают это как благоприятное знамение. «Сорока трещит, жди гостя», – говорят башкиры [БХИ, 1995. С. 136, 137; ПМА, 2005, 2018; Экспедиция материалдары..., 2010. С. 165]. Башкиры Альшеевского района Республики Башкортостан (далее – РБ) верили, что, если сорока стрекочет с большой высоты – гость придет (приедет) издалека, с небольшой высоты – гость придет (приедет) из близлежащей местности [Экспедиция материалдары..., 2006. С. 222]. Гайнинцы Бардымского района Пермского края утверждали, что гость приедет с той стороны, куда смотрит трещащая сорока [Тулвинские..., 2004. С. 293].

В то же время сорока может быть предвестницей и негативных, нежелательных вестей. Чтобы избежать плохих вестей, при стрекоте сороки говорили: «*Изгелеккә булһын, кеше кулында йөрөтмәһен*» («Пусть будет к добру, не дай Бог стать обузой кому-нибудь») [Хисамитдинова, 2010. С. 338–339]. В Белорецком районе РБ при аналогичной ситуации обращались к сороке со словами: «*Изгегә шыкырыккла, изгегә шыкырыккла, ем һалам! Яманга шыкырыкклама – йәһәнде алам!*» («Стрекочи к добру – корм дам! Если не к добру – жизни лишу!») [БХИ, 1995. С. 137]. Башкирам были известны и другие варианты инвективного обращения к сороке:

*«Изгелеккә шыкырыккла, изгелеккә!  
Изгелеккә шыкырыкклаһаң, ауызыңа  
– һары май.  
Яманлыкка шыкырыкклаһаң,  
Яуырыныңа – ук!»*  
[БХИ, 1995. С. 136].

«Стрекочи к добру, к добру!  
Если стрекочешь к добру  
– тебе масло в рот.  
А если к худу,  
Стрела – в плечо!»

Несомненно, к инвективным формам обращения к сороке относится стремление башкир словесно принизить ее как неуклюжую, уродливую птицу, калеку. Их отголоски обнаруживаются в следующих детских дразнилках (*әбәкләү*):

«*Һайысқан, һайысқан,  
Ике бото тайышқан*»  
(усергане Хайбуллинского района РБ).

«Сорока, сорока,  
Вывихнуты обе ножки»

«*Шырык-мырык һайысқан,  
Тояктары кайышқан*»  
(усергане Зианчуринского района РБ).

«Трещотка сорока,  
Прогнулись все лапки»

«*Шыкыр-шыкыр һайысқан,  
Бүрәнәгә йәбешкән*»  
(кара-табынцы Учалинского района РБ)  
[Сөләймәнов, 2007. С. 234–235].

«Трещотка сорока,  
Прилипла к бревну»

Здесь речь идет о силе магии слова, о вере в возможность парализовать при помощи слова злокозненный умысел сороки.

Пережитки подобных взглядов на сороку были выявлены в предрассудках самых различных народов мира. Согласно приметам казанских татар, стрекот сороки – к гостю: куда она смотрит, оттуда и следует ожидать гостя. Сорока предстает как вещая птица в алтайском эпосе, в мифах вепсов и сказочном фольклоре марийцев. В «Видевдате» говорится, что в мире «веру маздаяснийскую разносила птица Каршипта». В современных иранских языках обозначения сороки восходят к древнему «Каршипта». По мнению академика И.М. Стеблин-Каменского, «сорока... и распространяла зороастрийскую веру» [Авеста, 1992. С. 180, 197]. Она фигурирует в ипостаси вещицы птицы в суевериях русских, украинцев, белорусов, поляков, болгар, сербов, хорватов, боснийцев и др. По утверждению, например, русских, «сорока даром не щекочет – либо к гостям, либо к вестям» [Даль, 1882. С. 274].

Вместе с тем в мистических взглядах многих народов мира мотив «сорока-вещунья» имеет, как и у башкир, совершенно противоположную семантическую окраску. Так, появление и стрекотание сороки около дома, особенно на заборе или на крыше, вызывали у тюрков Саяно-Алтая, прежде всего у хакасов, негодование. Они брали три горсти золы из очага и три раза бросали ее в сторону сороки со словами: «Пусть войдет в твою глотку камень! Пусть твои уши наполнятся песком!» [Бутанаев, 2003. С. 77]. У русских Рязанской губернии появление сороки во дворе расценивалось как страшное предзнаменование – к смерти кого-либо из домочадцев. В Полесье, Украине и Болгарии верили, что увиденная во сне стрекочущая сорока предвещает смерть. Украинцы Южной Галиции и сербы Косова, услышав голос сороки, пытались избежать нежелательных последствий пророчества с помощью заклинаний, просили у сороки крещеного или доброго гостя, а в Харьковской губернии говорили: «Если к доброй вести, то тебе золотой хвост, а если к злой вести, то чтоб он облез!» [Гура, 1997. С. 561–563].

В прошлом сюжет «сорока-вестница» был известен широкому кругу народов, и предсказания будущего по ее крику, полету, посадке и поведению имели большое общественное значение. Несомненно, их истоки восходят к религиозно-мистическим суждениям древних людей – приписыванию сороке присущих только человеку высоких интеллектуальных способностей.

Данный вывод получает дополнительную аргументацию в контексте обнаружения следов антропоморфизации сороки в различных фольклорных и бытовых традициях башкир. Так, в эпических произведениях «Урал-батыр», «Идукай и Мурадым», «Кузый-курпяс и Маянхылу» и в сказках присутствуют образы сорок, говорящих человеческим языком. В сказке «Лиса и сорока» она превосходит в хитрости лису: когда лиса хотела наказать сороку за помощь орлице, то сорока попросила лису сбросить ее со скалы в бездонном ведре. Лиса так и сделала, и сорока улетела прочь [БНТ, 1989. С. 404–405]. Среди башкир распространена поговорка: «*Һаклыкты һайысқандан өйрән*» («Учись осторожности у сороки»). Этот же тезис содержится и в следующем заговаривании новорожденного ребенка: «*Һайысқандай һак бул!*» («Будь осторожен как сорока!») [Султангареева, 2006. С. 295].

Образы владеющих человеческой речью и интеллектом сорок встречаются в устных рассказах многих народов мира. Более того, установлены эпизоды взаимной трансформации человека и сороки друг в друга. В обычном сознании русских сорока ассоциируется с болтливым человеком, особенно с женщиной [Даль, 1882. С. 612]. Сюжет перевоплощения богатырей в сороку встречается в марийских легендах. Сорока-оборотень была устойчивым мифологическим типом в народном творчестве вепсов [Винокурова, 2007. С. 24]. Мотив перевоплощения человека в сороку был широко популярен в русском фольклоре. В германском сказании о Волфдитрихе дочь короля язычников видоизменяется в сороку.

Сцена перерождения женщин в сороку есть в поэме «Метаморфозы» римского поэта Овидия (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.). Фольклорно-мифологический мотив трансформации человека в сороку зафиксирован в устнопоэтическом творчестве североамериканских индейцев.

Безусловно, к этому же кругу артефактов относятся рассуждения о способности ведьм и колдунов (колдуний) превращаться в сороку. Общеизвестно, что ведьмы и колдуньи являлись генетическими преемницами жриц, носительниц сакральных знаний и родоплеменных культурно-бытовых традиций, организаторов и исполнительниц ритуалов, предводительниц матриархальных коллективов древних людей.

По поверьям русских, ведьмы и колдуньи, сняв с себя платье, входили в образ сороки. В эпоху «охоты на ведьм», в XIV в., митрополит Алексей проклял в Пскове (вариант: в Москве) сороку как оборотней [Гура, 1997. С. 557]. Если на дворе стрекотала сорока, согласно приметам, беременная женщина не должна была выходить из дома. Это могла быть ведьма [Афанасьев, 1982. С. 396]. Она, как правило, проникала в дом через дымоходную трубу и похищала из утробы беременной женщины неродившихся младенцев. Появившись в комнате, она парализовала волю беременной женщины, которая не могла даже шевельнуться [Коршунков, 2002]. Исследователи допускают, что именно отсюда берет начало русское изречение «сорока-воровка».

Как считают исследователи, дериватом тотемического образа мышления о перевоплощении, перерождении человека в почитаемую птицу является ношение русскими, ижорскими, вепскими, карельскими, финскими женщинами старинного головного убора «сорока». Ученые допускают возможность происхождения названия данного головного убора от орнитонима одноименной птицы и связывают его с древними религиозно-магическими верованиями вышеуказанных народов – их ряжением, перевоплощением в почитаемую птицу. В южнорусских губерниях «сороку» невеста надевала на свадьбе и продолжала носить ее до рождения первого ребенка: очевидно, надевание «сороки» было связано с идеей плодородия [Мудрая, 1974. С. 49].

Есть этнографические и фольклорные данные, позволяющие утверждать, что созвучные суждения о сороке были присущи в прошлом и башкирам. В частности, в легенде «*Сибәгәт әүлиә*» («Святой Сибатат») говорится, что сидящие на высоких кладбищенских деревьях вороны и сороки спускались на землю и, обернувшись в седовласых и седобородых старцев, обучали Сибатат-авлию различным молитвам и премудростям, а затем вновь становились птицами [Башкорттарзың дини..., 2013. С. 54–55]. Отголоски представлений о том, что и человек может перевоплощаться в сороку, отчетливо проступают в суевериях о том, что души некоторых людей после их смерти трансформируются в *убыр* – вредоносную силу. Согласно суевериям гайнинцев Бардымского района Пермского края, когда умирал такой человек, его душа *убыр* принимала облик сороки, приходила ночью в свой дом, трещала как сорока, стучалась в окно [Бикбулатов, Фатыхова, 1991. С. 129; Тулвинские..., 2004. С. 369]. Сорока принималась за «*убыр*» в предрассудках башкир-кара-табынцев, яик-суби-минцев Альшеевского района РБ и кошсинцев Нижнесергинского района Свердловской области [Руденко, 1973. С. 22; Рухи мираҫ..., 2008. С. 136; Экспедиция материалдары..., 2006. С. 17].

Сорока предстает как *убыр* и в эпосе «Идукай и Мурадым», где есть следующие строки:

«*Мин һайыҫкан кош булам,  
Убыр тигән ут булам,...  
Сыуал япмай йоклаһаң,...  
Өйөңә инһәм төһөндә,  
Бер балаһыз калдырам...»*  
[БХИ, 2000. С. 106].

«Птицей сорокой я называюсь,  
Убыром – огнем считаюсь,...  
Уснешь, не закрыв заслонку печи,...  
Ночью заберусь к тебе в дом,  
Оставлю тебя без детей...»

Нетрудно заметить, что здесь *убыр*-сорока, как и ведьмы-сороки в мистических воззрениях других народов, могла проникнуть ночью в дом женщины через печную трубу и похитить ее детей.

Как известно, соответствующие убеждения послужили той исходной точкой, на базе которой у древних людей сложились тотемические умозрения об их генетических связях с теми или иными животными и птицами. Отсутствие же в фольклорных произведениях башкир легенд о происхождении отдельных этнических групп людей от сороки не может быть основанием для отрицания существования сходного мотива в их мифологических умозаклчениях. В обоснование данного высказывания можно привести немало веских доводов.

Так, в родоплеменной номенклатуре башкир обнаружены многочисленные этнонимы родовых подразделений, образованные от орнитонима «*һайыҫкан*» – «сорока». Такие родовые подразделения имеются у башкир-усерган (дд. Верхнеутягулово и Ибрагимово Кувандыкского района Оренбургской области), карагай-кыпсаков (д. Исламбаево Бурзянского района РБ и д. Старо-Халилово Гайского района Оренбургской области), бурзянцев (дд. Старокурманкеево и Новокурманкеево Давлекановского района

РБ), шайтан-кудейцев и кыр-кудейцев (дд. Юнусово и Ишимбаево Салаватского района РБ), бишаул-табынцев (д. Утеймуллино Аургазинского района РБ), юмран-табынцев, кыр-канлинцев, балыкчинцев (д. Чурашево Аскинского района РБ) [Абсалямова, 2007. С. 8, 9; Илимбетова, 2015. С. 72; Кузеев, 1957. С. 48–57] и др. Общеизвестно, что корни подобных этнонимов восходят к тотемическим взглядам первобытных людей о тождестве и родстве отдельных групп людей и определенных видов животных (птиц).

Сорока числилась священной птицей, онгоном тангаурских башкир [Асфандияров, 2009. С. 49]. Об этом же повествуется в башкирской версии дастана «*Сыңғызнамэ*» («Чингизнамэ») (XVI в.): Чингизхан раздал своим биям племенные символы – *тамги* (племенной знак), *уран* (боевой клич), дерево и птицу. В их числе предводитель тангауров Тимер Коглы-бий получил птицу сороку [БХИ, 2004. С. 160, 553]. Аналогичная информация записана в 1966 г. в с. Аскарново Абзелиловского района РБ Ф.Ф. Илимбетовым от Н.М. Мусина, 1908 г. р.: однажды у вождя одноименного племени Тангаура спросили: «Почему же ты взял себе священной птицей сороку?» На что он якобы ответил: «Нет птицы чувствительней («*һизгерерәк*») сороки. Она знает, что происходит за сорока горами» [Илимбетова, 2015. С. 72].

В то же время необходимо отметить, что еще в 20-е гг. прошлого века было записано предание о том, что Тимеркотто-бий сырзинских башкир получил из рук Чингизхана сороку как атрибут своего племени. Когда остальные бии стали подтрунивать над ним, Чингизхан будто бы сказал:

*«Һезең арала Тимеркотто акыллы...  
Тимеркотто..., кошо барза,  
ил табыр;  
Һайысқан иһез булмаҫ!...»*  
[БХИ, 2004. С. 455].

«Среди вас Тимеркотто умный...  
Тимеркотто..., когда у него есть  
птица, найдет родину;  
Не бывает сороки без родины!...»

По данным М.Н. Сулеймановой, сорока являлась священной птицей и тамьянцев [Сулейманова, 2005. С. 24]. В дастане «Чингизнамэ» в то же время сообщается, что Тамьян-бию досталась ворона. Такая же информация зафиксирована у карагай-кыпсаков (д. Исламбаево Бурзянского района РБ): их предки взяли себе священной птицей сороку, считая, что нет краше птицы, чем сорока. При этом нельзя упускать из виду, что исследователями в качестве священной птицы кыпсаковских башкир рассматривается беркут [Башкирские родословные, 2002. С. 146; Башкирские шежере, 1960, С. 101; БХИ, 2004. С. 159].

В башкирском фольклоре сорока выступает в ипостаси поборника, защитника людей. В эпосе «Идукай и Мурадым» чудесная сорока по распоряжению мифического предка, предводителя башкир Баба-Тукляса охраняет в пещере меч Урал-батыра, обещает быть надежным помощником Идукай:

*«...Югалганын эзләһәң,  
Табышырман мин һиңә».*

«...Если ищешь то, что потерял,  
Помогу тебе отыскать».

Сорока повела его туда, где были спрятаны воинские доспехи Урал-батыра [БХИ, 2000. С. 106, 107, 111]. В сказке «Златовласая» батыр, увидев под деревом упавших из гнезда сорочат, поднял и вернул их на место. Позднее благодарные сорочата добыли для него из-за семи морей, лесов и гор живую и мертвую воду [БНТ, 1989. С. 297].

Согласно поверьям башкир-усерган Хайбуллинского района РБ, нельзя разорять гнездо сороки в случае ее гнездования возле хозяйственных построек, – она охраняет домашних птиц от хищников. Отголоски этого суеверия ясно видны в обычае вешать труп сороки вблизи курятника: хищники не будут таскать из сарая куриные яйца [ПМА, 2018].

Данный мотив прослеживается и в детской игре «*Әбәк*» («Пятнашки»). Суть игры заключается в том, что один из участников («*кәтәүсе*» – «пастух») со словами «*Һайысқандай шықырыклар, мин йөрөйм өй һаклар..., һиңә тейәм, һин – әбәк*» («хожу, стрекочу как сорока, охраняя дом..., задеваю тебя, ты – пятнашка») касается рукой одного из стоящих по кругу игроков и убегает. Тот человек становится очередным «пастухом» [Башкорт теленең..., 1993. С. 734].

В этих фольклорных сюжетах и бытовых традициях башкир явно проявляются следы рассуждений древних людей о сороке как о тотемическом предке, заступнике людей, охранительнице дома и домашних животных. Параллели вышеизложенным башкирским этнографическим и фольклорным раритетам можно обнаружить в религиозно-мифологических мировоззрениях самых различных народов мира. Принято считать, что осколками древних умозрений о тождестве и родстве людей и сороки являются сорочьи антропонимы, которые встречаются среди шорцев и вепсов [Соколова, 2009. С. 256–257; Винокурова, 2007. С. 24]. Сорока была самым распространенным прозвищем и фамилией в русских документах XV–XVII вв. [Бернштам, 1982. С. 34]. Персидский автор XI в. Гардизи сообщает, что сорока была объектом поклонения у киргизов [Абрамзон, 1946. С. 130]. В поэме древнетюркского поэта и

мыслителя Юсуфа Баласагуни «Кутадгу-билик» (XI в.) присутствует мотив о том, что сорока мыслилась эталоном чистоты [Харитонов, 2001].

Сорока в ампула праматери входит в круг сверхъестественных патронесс у вепсов: по их поверьям, она защищает человека в лесу от всяких зловредных сил, в том числе и от хищников [Винокурова, 2007. С. 24]. У обских угров фигурка сороки, вплетенная как украшение в косы, охраняет и удерживает душу женщины [Соколова, 2009. С. 256–257]. Русские подвешивали труп мертвой сороки в конюшне в качестве оберега от домового [Мудрая, 1974. С. 49]. В русской прибаутке «Сорока-белобока на пороге скакала, ... кашу варила, деток накормила» сорока выступает в роли кормилицы детей. В русской сказке «Белая уточка» волшебная сорока приносит живую воду, при помощи которой князь оживляет своих убитых детей. Этот же мотив содержится в суеверной примете русских: «Сорока на дому больного – к выздоровлению» [Даль, 1882. С. 275]. В Белоруссии и Полесье вывешенная на дворе убитая сорока расценивалась как оберег цыплят от хищных птиц. Перья убитой 1 марта сороки клали под курицу, сидящую на яйцах, чтобы уберечь ее от сглаза [Гура, 1997. С. 534, 561].

Сорока в образе тотемной, священной птицы была табуированным существом. В частности, отзвуки преклонения древних башкир перед сорокой дошли до наших дней в запрещении употреблять в пищу ее мясо. Еще в середине прошлого века родители пугали своих детей, что нельзя пить сорочьи яйца, в противном случае лицо станет рябым (усергане Хайбуллинского района РБ и Кувандыкского района Оренбургской области) [ПМА, 2018].

Соответствия этим башкирским архаизмам преломляются в вепском обычае избегать употребления в пищу мяса сороки. Вето на употребление в пищу сороки налагалось у манси и хантов. Китайцы безгранично верят в то, что человека, убившего сороку, ожидают крупные неприятности. Запрет есть мясо сороки был характерен для русских, белорусов, поляков, чехов и др. народов. Русские Тамбовской губернии были убеждены, что человек, разоривший сорочье гнездо, ослепнет [Винокурова, 2007. С. 24; Соколова, 2009. С. 267].

Тем не менее в традиционном мировоззрении многих народов, в том числе и башкир, диссонансом всем описанным выше фактам обожествления сороки звучат нотки негативного ее восприятия.

В монументальном труде С.И. Руденко о башкирах приводится рассказ башкир-катайцев о том, что болезнь может явиться к людям в виде сороки. Однажды некая женщина пошла мыться в баню и увидела на крыше сороку. Зная, что это может оказаться болезнью в сорочьем обличье, она поклонилась ей и обратилась с предложением помыться в бане. Оставила после себя в бане горячую воду и пропаренный веник. Наутро она заметила, что в бане вода была разбрызгана, а веник потрепан. После этого якобы болезнь миновала двор этой башкирки, и все ее коровы остались живы и здоровы. Когда через несколько лет в деревне появилась та же болезнь, все жители аула затопили бани и просили «гостью» помыться в бане: говорят, она мылась, и весь сельский скот остался здоровым [Руденко, 2006. С. 276].

Как демоническая натура предстает сорока и в банном речитативе башкир. При первом обрядовом купании новорожденного в бане повитуха произносит следующее благопожелание:

*«Ғүмере озон булһын!                      «Пусть его жизнь будет долгой!*  
*Ғайыскандан һак булһын!».* Пусть остерегается сороки!»  
[Хисамитдинова, 2010. С. 338].

Сорока имеет отрицательную семантику и в следующих приметах башкир: «Если сорока сядет на крышу дома – к горю»; «Сорока не стрекочет к добру» (юмран-табынцы Красногвардейского района Оренбургской области) [ПМА, 2005].

Как нам представляется, первопричина негативного суждения о сороке в суеверных умозрениях тех или иных народов заключается, во-первых, в приписывании ей способности трансформироваться в злых волшебниц, служительниц нечистой силы. Во-вторых, подобные идеи могут быть отголосками неадекватного отражения в исторической памяти людей жестоких гонений «сорок-ведьм» в средневековой Европе, устроенные церковными инквизиционными судами. В-третьих, непочтительный взгляд на сороку мог складываться и на основе признания древними людьми сорок воплощениями душ умерших людей, предков, проводниками душ усопших в иной мир или посредниками между посюсторонним и потусторонним мирами. Так, в Германии сорока числилась птицей богини смерти Хель, хозяйки царства мертвых. В бретонской мифологии (Франция) она выступает в роли посредника между Анку, посланцем бога смерти, и смертником: сорока сообщает человеку о приближении смерти. Дериваты схожих умозаключений у других народов, включая башкир, глубоко укоренились в практике интерпретации крика сороки, встречи с ней как предвестия горя, смерти. В-четвертых, такое отрицательное отношение к сороке могло формироваться и на базе того факта, что они воруют из птичника куриные и утиные яйца, тем самым наносят вред разведению домашних птиц.

### Заключение

Таким образом, в устном народном творчестве, обычаях и обрядах башкир сорока обладает человеческими качествами – мышлением, речью. В фольклоре, поверьях и приметах сорока выступает как вещая птица, предсказательница человеческих судеб и событий. В эпических произведениях, суевериях и приметах проглядываются явные следы древних тотемических суждений о тождестве человека и сороки, о способности их трансформироваться друг в друга. В родоплеменной номенклатуре башкир сохранились рудименты воззрений о происхождении отдельных групп людей от сороки. Древние башкиры воспринимали сороку как воплощение душ усопших людей, предков. Первоначальные истоки подобных взглядов восходят к тотемическим представлениям далеких предков о способности людей перевоплощаться в сороку, о том, что сорока является их мифическим орнитоморфным предком (онгоном). В фольклоре, обычаях и поверьях башкир сорока в ипостаси тотемического предка фигурирует как путеводительница, поборница героев, заступница людей, охранительница дома и домашних птиц от происков враждебных сил и нападений хищников. Сорока как тотем была священной, табуированной птицей, о чем свидетельствуют народные обычаи, запрещающие разорять ее гнезда, употреблять в пищу ее яйца и мясо. В отдельных суевериях башкир сорока изображается в образе демонического существа, олицетворения болезни, вестницы горя и смерти. Такие умозаключения о сороке могли сложиться на основе ее восприятия древними людьми в контексте реального проявления в облике сороки душ умерших людей, предков или проводника душ усопших в иной мир, посредника между духами (богами) смерти и живыми людьми. Аналогичные взгляды о сороке были характерны самому широкому кругу народов и имеют глубокие исторические корни.

### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БНТ – Башкирское народное творчество  
БХИ – Башкорт халык ижады  
ПМА – Полевые материалы автора

### ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА

2005 г. – Александровский, Красногвардейский, Новосергиевский районы Оренбургской области.  
2018 г. – Хайбуллинский район Республики Башкортостан, Кувандыкский район Оренбургской области.

### ИСТОЧНИКИ

Башкирское народное творчество. Т. IV. Волшебные сказки и сказки о животных. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1989. 512 с.  
Башкорт халык ижады. 1-се том. Йола фольклоры. Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 1995. 560 б.  
Башкорт халык ижады. 5-се том. Тарихи кобайырзар, хикәйтәр (иртәктәр). Өфө: Китап, 2000. 392 б.  
Башкорт халык ижады. 7-се том. Язма кисса һәм дастандар. Өфө: Китап, 2004. 624 б.  
*Экспедиция материалдары-2004*: Әлшәй районы. Өфө: БР ММ РУҒМУ, 2006. 234 б.  
*Экспедиция материалдары-2008*: Балтас районы. Өфө: РФА ӨҒҮ ТТӘИ, 2010. 204 б.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Абрамзон С.М.* К семантике киргизских этнонимов // Советская этнография. 1946. № 3. С. 123–137.  
*Абсалямова Ю.А.* Названия родоплеменных подразделений как источник по этнической истории башкир (на примере Восточного Оренбуржья) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых (Уфа, 30 ноября 2007 г.). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. С. 3–11.  
*Авеста.* Избранные гимны из Видевдата. М.: Дружба народов, 1992. 208 с.  
*Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.  
*Афанасьев А.Н.* Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.  
*Башкирские родословные.* Вып. 1 / Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова; науч. рук. Р.Г. Кузеев. Уфа: Китап, 2002. 480 с.  
*Башкирские шежере* / Сост., пер. текстов, введ. и комм. Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.  
*Башкорт теленәң һүзлеге:* Ике томда. Т. 2 / Рәсәй фәндәр академияһы, Башкортостан ғилми үзәге, Тарих, тел һәм әз. институты. М.: Рус. яз., 1993. 816 б.

*Башкорттарзың дини һәм мистик легенда, риуәйәттәре* / Автор-төзөүсе, баш һүз, кушымта һәм аңлатмалар авторы Ф.Ф. Ғайсина. Өфө, 2013. 144 б.

*Бернштам Т.А.* Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982. № 1. С. 22–34.

*Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 192 с.

*Бутанаев В.Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2003. 260 с.: ил.

*Винокурова И.Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 44 с.

*Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том четвертый. Р – V. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. 712 с.

*Илимбетова А.Ф.* Культ птиц в свете духовного наследия народов мира. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 282 с.

*Илимбетова А.Ф., Мигранова Э.В.* Исторические корни народного праздника «Каргауй» («Воронья свадьба») у башкир // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 2. С. 215–220. DOI: 10.17816/snvt2021102214.

*Коршунков В.А.* Мифоритуальные основы восточнославянского детского фольклора: Заговорная формула в потешке «Сорока» // Материалы молодежной фольклорной науч. конференции «XII Виноградовские чтения» (25–30 июня 2002 г., Нижний Новгород) / Гл. ред. К.Е. Корепова. Нижний Новгород: Фольклорный центр ННГУ им. Н.И. Лобачевского; предприятие «ПОЙСК», 2002. С. 92–95.

*Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII–XVIII вв. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1957. 184 с.

*Мудрая Т.А.* Одно тюркское название в русском языке («сорока») // Советская тюркология. 1974. № 6. С. 48–52.

*Руденко С.И.* Башкирские сказки и поверья // Археология и этнография Башкирии. Т. 5. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 17–31.

*Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.

*Рухи мираҫ: Свердловск башкорттарының фольклоры* / Төз. Ф. Нәзершина, Г. Хөсәйенова, Г. Юлдыбаева, Ф. Ғайсина. Өфө: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 256 б.

*Соколова З.П.* Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М.: Наука, 2009. 756 с.

*Сөләймәнов Ә.М.* Бала-сағаның уйын фольклоры. Өфө: Китап, 2007. 344 б.

*Сулейманова М.Н.* Доисламские верования и обряды башкир. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 146 с.

*Султангареева Р.А.* Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. Уфа: Гилем, 2006. 344 с.

*Тулвинские татары и башкиры.* Этнографические очерки и тексты / Отв. ред. А.В. Черных. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 456 с.

*Харитонов М.А.* Социокультурные аспекты зооморфной символики народов Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 136 с.

*Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.

## REFERENCES

Abramzon, S.M. 1946, "On the semantics of Kyrgyz ethnonyms", *Soviet ethnography*, no. 3, pp. 123–137. (In Russ.)

Absalyamova, Yu.A. 2007, "Names of tribal divisions as a source on the ethnic history of the Bashkirs (using the example of the Eastern Orenburg region)", *Etnosy i kul'tury Uralo-Povolzh'ya: istoriya i sovremennost'. Materialy Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh (Ufa, 30 noyabrya 2007 g.)* ("Ethnicities and cultures of the Ural-Volga region: history and modernity. Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference of Young Scientists (Ufa, November 30, 2007)", TsEI UNTs RAN, Ufa, pp. 3–11. (In Russ.)

Afanasyev, A.N. 1982, *The Tree of Life: Selected Articles*. Sovremennik, Moscow, 464 p. (In Russ.)

Asfandiyarov, A.Z. 2009, *History of villages and hamlets of Bashkortostan and adjacent territories*. Kitap, Ufa, 744 p. (In Russ.)

*Avesta. Selected hymns from Videvdat*. Druzhba narodov, Moscow, 1992, 208 p. (In Russ.)

*Bashkir genealogies. Vol. 1*. Kitap, Ufa, 2002, 480 p. (In Russ.)

*Bashkir shezhere*. Bashkir book publ., Ufa, 1960, 304 p. (In Russ.)

Bernshtam, T.A. 1982, "Ornithomorphic symbolism among the Eastern Slavs", *Soviet ethnography*, no. 1, pp. 22–34. (In Russ.)



- Bikbulatov, N.V., Fatykhova, F.F. 1991, *Family life of the Bashkirs in the 19<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> centuries*. Nauka, Moscow, 192 p. (In Russ.)
- Butanaev, V.Ya. 2003, *Burkhanism of the Sayan-Altai Turks*. Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, Abakan, 260 p. (In Russ.)
- Dal, V.I. 1882, *Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Volume four. R – V*. Tip. M.O. Vol'fa, St. Petersburg, 712 p. (In Russ.)
- Dictionary of the Bashkir language: In two volumes. Vol. 2*. Rus. yaz., Moscow, 1993. 816 p. (In Bash.)
- Gura, A.V. 1997, *The symbolism of animals in the Slavic folk tradition*. Indrik, Moscow, 912 p. (In Russ.)
- Ilimbetova, A.F. 2015, *The cult of birds in the light of the spiritual heritage of the peoples of the world*. IYal UNTs RAN, Ufa, 282 p. (In Russ.)
- Ilimbetova, A.F., Migranova, E.V. 2021, “Historical roots of the folk holiday “Kargatuy” (“Crow’s Wedding”) among the Bashkirs”, *Samara Scientific Bulletin*, vol. 10, no. 2, pp. 215–220. (In Russ.) DOI: 10.17816/snv2021102214
- Kharitonov, M.A. 2001, *Sociocultural aspects of zoomorphic symbolism of the peoples of Central Asia*. Buryat State University publ., Ulan-Ude, 136 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova, F.G. 2010, *Mythological dictionary of the Bashkir language*. Nauka, Moscow, 452 p. (In Russ.)
- Korshunkov, V.A. 2002, “Mythological and ritual foundations of East Slavic children’s folklore: The spell formula in the nursery rhyme “Magpie””, *Materialy molodezhnoy fol'klornoy nauch. konferentsii «XII Vinogradovskiye chteniya» (25–30 iyunya 2002 g., Nizhniy Novgorod)* (“Materials of youth folklore scientific research. conference “XII Vinogradov Readings” (June 25–30, 2002, Nizhny Novgorod)”, *Fol'klornyy tsentr NNGU im. N.I. Lobachevskogo, predpriyatiye “POISK”, Nizhny Novgorod*, pp. 92–95. (In Russ.)
- Kuzeev, R.G. 1957, *Essays on the historical ethnography of the Bashkirs. Part 1. Tribal organizations of the Bashkirs in the 17<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries*. Bashkir book publ., Ufa, 184 p. (In Russ.)
- Mudraya, T.A. 1974, “One Turkic name in Russian (“magpie”)”, *Soviet Turkology*, no. 6, pp. 48–52. (In Russ.)
- Religious and mystical legends of the Bashkirs*. Ufa, 2013, 144 p. (In Bash.)
- Rudenko, S.I. 1973, “Bashkir fairy tales and beliefs”, *Arheologiya i etnografiya Bashkirii. T. 5* (“Archeology and ethnography of Bashkiria. Vol. 5”), BFAN SSSR, Ufa, pp. 17–31. (In Russ.)
- Rudenko, S.I. 2006, *Bashkirs: Historical and ethnographic essays*. Kitap, Ufa, 376 p. (In Russ.)
- Sokolova, Z.P. 2009, *Khanty and Mansi. A view from the 21<sup>st</sup> century*. Nauka, Moscow, 756 p. (In Russ.)
- Spiritual heritage: folklore of the Sverdlovsk Bashkirs*. IYal UNTs RAN, Ufa, 2008, 256 p. (In Bash.)
- Suleymanov, A.M. 2007, *Children’s game folklore*. Kitap, Ufa, 344 p. (In Bash.)
- Suleymanova, M.N. 2005, *Pre-Islamic beliefs and rituals of the Bashkirs*. RIO BashGU, Ufa, 146 p. (In Russ.)
- Sultangareeva, R.A. 2006, *Human life in ritual: folklore and ethnographic study of Bashkir family rituals*. Gilem, Ufa, 344 p. (In Russ.)
- Tulva Tatars and Bashkirs. Ethnographic essays and texts*. Perm book publ., Perm, 2004, 456 p. (In Russ.)
- Vinokurova, I.Yu. 2007, *Animals in the traditional Vepsian worldview (reconstruction experience)*. Dissertation abstract ... Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 44 p. (In Russ.)

---

#### Сведения об авторе

**Илимбетова Азалия Фаттаховна**, кандидат исторических наук, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7945-9559

#### Information About the Author

**Azaliya F. Ilimbetova**, Cand. Sc. (History), Order of the Badge of Honour of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Ufa. E-mail: ilimbetovazalia@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7945-9559